

К ВОПРОСУ О ПАТРИОТИЗМЕ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Изучение войны с Наполеоном в российской исторической науке началось еще в царствование Александра I современниками этого события. Но, тем не менее, многие аспекты Отечественной войны 1812 года до сих пор являются предметом исследования, а порой и острых научных дискуссий. Одним из таких спорных моментов был и остается вопрос о проявлениях и характере патриотизма у двух основных классов-сословий российского общества в XIX в. - дворян и крестьянства. Одни историки отвергают саму идею крестьянского патриотизма, указывая, что, поскольку в начале XIX в. в России крестьянин «стоял ниже раба, был вещью»ⁱ, то патриотические чувства ему были чужды, а бороться с французами его заставляло чувство самосохраненияⁱⁱ. Другие, напротив, очень высоко отзываются о патриотизме народных масс, но патриотизм дворянства ставят под сомнение. Наконец, третьи утверждают, что патриотизм не был присущ ни тем, ни другим: якобы крестьяне в ходе войны боролись только за освобождение от крепостной неволиⁱⁱⁱ, а дворяне - за «право самим держать в рабстве собственный народ»^{iv}, т. е. обе социальные группы преследовали только свои интересы.

Для того чтобы понять истинные настроения провинциального общества в 1812 года, мы решили обратиться к тем источникам, которые редко привлекались для анализа российского общественного сознания этого времени, хотя и были оставлены нам очевидцами и участниками событий Отечественной войны 1812 г. Это «Записки» Ф.Ф. Вигеля, «Письма русского офицера» Ф.Н. Глинки, роман М.Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году», а также воспоминания офицера Пензенского ополчения И.Т. Шишкина «Бунт ополчения в 1812 году».

Изучение этих свидетельств современников позволило нам сделать следующие выводы. Во-первых, мемуаристы утверждают, что патриотизм, причем бескорыстный, вовсе не был чужд российскому господствующему классу. Пензенский помещик Ф.Ф. Вигель отмечал не просто возникновение патриотических настроений, но «совершенное перерождение» большинства местных дворян, узнавших о вторжении Наполеона: «...они не хвастались, не храбрились, а показывали спокойную решимость жертвовать всем, и жизнью и состоянием, чтобы спасти честь и независимость России. Весьма немногие не об ней думали, а о своей особе и о своем ларце, и те втихомолку только вздыхали»^v. Еще один уроженец Пензенской губернии, писатель М.Н. Загоскин, подтвердил это свидетельство мемуариста, приводя в своем романе рассуждения провинциальных помещиков, получивших известие о начале войны: один готов отдать в солдаты свой крепостной оркестр, другой обещает пожертвовать в кавалерию весь свой конный завод, не жалея ради этого своего лучшего жеребца, и даже собирается сам пойти на войну. Общее мнение выражает предводитель дворянства: «Я уверен... что все дворянство нашей губернии не пожалеет ни достояния своего, ни самих себя для общего дела. Стыд и срам тому, кто станет думать об одном себе, когда отечество будет в опасности»^{vi}. И действительно, провинциальное дворянство с большой энергией взялось за подготовку ополчения. Так, по свидетельству Ф.Ф. Вигеля, уже в конце июля пензенские помещики начали собирать деньги на снаряжение 10 тыс. ополченцев, которых должна была поставить Пензенская губерния, а также выбирать полковых и сотенных начальников для ополчения. «Отставных военных штаб-ober-офицеров не было и десятой доли против

нынешнего, а все-таки их было много; не сыскалось ни единого, который бы пожелал остаться дома, все явились на службу»^{vii}.

Часть провинциальных дворян стали членами комитетов пожертвований для ополчения. Они занимались хранением и распределением средств, которые вносили жители губернии. Кстати, одним из членов подобного комитета в Пензенской губернии был и сам Ф.Ф. Вигель^{viii}.

Еще одним проявлением дворянского патриотизма стал своеобразный «классовый мир», воцарившийся на время войны между социальными группами. «В Пензе, - писал Ф.Ф. Вигель, - где дворянство почти всегда не в меру было спесиво и где состояние всегда предпочиталось чинам, вы бы с удивлением увидели почтение и послушание, оказываемое людьми довольно богатыми, вступившими в ополчение, тем, кои становились их начальниками. Самолюбие было первою жертвой, которое дворянство, в этот чудный год, предавало заклятию на жертвенники отечества»^{ix}. Те, кто не мог или не хотел сам вступать в действующую армию или в ополчение, не скупались на материальную помощь войскам. Смоленский дворянин, писатель, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии Ф.Н. Глинка отмечал, что «войска получают наилучшее продовольствие; дворяне жертвуют всем. Со всех сторон везут печеный хлеб, гонят скот и доставляют все нужное добрым нашим солдатам.»^x. Некоторые историки считают, что такие пожертвования не были бескорыстными, и после войны отдельные помещики просили у государства плату за провиант и фураж для армии^{xi}, однако, во-первых, подобные случаи были редкостью, а во-вторых, именно благодаря добровольной помощи провинциального дворянства русские войска не испытывали проблем со снабжением.

Не стоит забывать и о тех дворянах, кто, не будучи в армии или ополчении, сражался с врагом партизанскими методами. Так, Ф.Ф. Вигель приводит следующий пример: «Некоторые помещики (Смоленской губернии. - М.З.) сами собою вооружили дворовых людей и крестьян и составили из них небольшие партизанские отряды, которые при переходе французов тревожили их, нападали на их обозы и захватывали отсталых, и таким образом подали пример и мысль о партизанской войне и всеобщем вооружении. Один из них, доблестный Энгельгардт, попавшийся в плен, правосудным французским начальством был расстрелян»^{xii}. Ф.Ф. Вигель имел славу человека язвительного^{xiii}, и в приведенных выше строках чувствуется не только гордость за русских людей, но и неприкрытый сарказм в отношении захватчиков: П. И. Энгельгардт, будучи дворянином и военнопленным, был казнен без суда, словно разбойник - о каком правосудии и благородстве французов может идти речь?!

Было, впрочем, в провинциальном обществе и меньшинство, которое считало наполеоновское нашествие благом для страны. В своих воспоминаниях Ф.Ф. Вигель упомянул о графине Рыщевской, «богатой и пожилой польке», которая «слишком много любила заниматься политикой» и за свои антирусские воззвания к вольным помещикам была сослана в Пензу^{xiv}. Она и здесь «не хотела скрывать ни желаний, ни надежд своих», с удовольствием рассуждая в обществе о неизбежности покорения России Наполеоном^{xv}. Она также привечала у себя ссыльных французов - Радюльфу, который, служа в русской армии, отказался воевать против своих соотечественников^{xvi}, и воспитателя будущих декабристов Н.М. и А.М. Муравьевых Магиера, которого, по мнению Ф.Ф. Вигеля, «следовало бы отправить в Нерчинск, ибо он был совершенно каторжный»^{xvii}. Вместе с ними она пыталась отпраздновать взятие Москвы французскими войсками, однако этот вечер был испорчен тем, что двое всадников, проезжавших мимо дома графини,

перебили в нем все окна заранее припасенными камнями^{xviii}. Если поведение Рыщевской еще можно понять (в Польше были очень сильны профранцузские настроения, и в Великой армии служило много поляков), то описанные мемуаристом рассуждения двух пензенских помещиков, С.М. Мартынова и В.Е. Жедринского, вызвали справедливое возмущение современников. Эти двое, в особенности С.М. Мартынов, судя по всему, представляли типичный образец офранцузившегося российского дворянства. Ф.Ф. Вигель писал о них со злой иронией: «Оба они в Пензе щеголяли французским диалектом; у Жедринского был выговор лучше, зато Мартынов говорил бегло и безошибочно: это, вероятно, дало им надежду, что Наполеон, покорив Россию, назначит их, прапорщика и титулярного советника, префектами в завоеванной им провинции»^{xix}. Издевка мемуариста становится понятнее, если вспомнить, что прапорщик и титулярный советник - это низшие военный и гражданский чины в «Табели о рангах». Трудно сказать, какие надежды в действительности связывали эти люди с поражением России в войне, однако высказывание С.М. Мартынова о необходимости сдачи Москвы оставляет очень неприятный осадок: «Согласитесь, - улыбаясь, сказал мне Мартынов, - что смешно и безрассудно противиться великому человеку, у которого полмиллиона войска и две тысячи пятьсот пушек»^{xx}. И это говорилось в то самое время, когда и в народе, и в дворянских провинциальных кругах тяжело переживали сдачу Москвы Наполеону. Но эти случаи, описанные Ф.Ф. Вигелем, представляют собой исключение из общего патриотического настроения провинциального дворянства.

Во-вторых, источники не ставят под сомнение героизм людей «из народа». Когда современные историки пытаются утверждать противоположное, то основным аргументом являются факты крестьянских волнений, происходивших в 1812 г. Так, Н.А. Троицкий приводит вроде бы внушительные цифры: 67 крестьянских восстаний в 32 губерниях, 20 из которых были подавлены войсками^{xxi}, однако в масштабах Российской империи это не так уж и много. В основном это были локальные, малочисленные по количеству участников выступления, поэтому большинство их либо были усмирены самими помещиками, либо прекратились так же стихийно, как и начались. К тому же есть здесь и некоторое лукавство: Н.А. Троицкий ни слова не говорит о том, какие именно войска подавляли восстания в бунтовавших Витебской, Могилевской и Минской губерниях^{xxii}, оккупированных французами. Очевидно, что сделать это могли лишь французские войска. Причем не только могли, но и действительно подавляли. Как пишет Е.В. Тарле, Литва и Белоруссия в июле - августе 1812 г. были охвачены «бурными крестьянскими волнениями, переходившими местами в открытые восстания»^{xxiii}. Виной тому были отчасти давние слухи, что Наполеон освободит крепостных крестьян^{xxiv}, а отчасти, вероятно, грабежи и мародерство французской армии. Перепуганные помещики искали помощи у французских генералов и самого Наполеона, и, конечно, получали ее. В частности, наполеоновский маршал Сен-Сир писал, что в Литве крестьяне выгоняли помещиков из усадеб, а «Наполеон, верный своей новой системе, стал защищать помещиков от их крепостных, вернул помещиков в их усадьбы, откуда они были изгнаны» и снабдил их солдатами для охраны от дальнейших выступлений крестьян^{xxv}. Таким образом, эти крестьянские выступления никак нельзя назвать непатриотическими, и подавляли их французские войска.

Во время войны бунтовали не только крестьяне, но и ополченцы. Одно из таких восстаний, произошедшее в Пензенской губернии, некоторые историки называют «самым грозным» из всех бунтов ополчения 1812 г.^{xxvi}, когда одновременно восстали полки в уездных городах Инсаре, Саранске и Чембаре. Казалось бы, вот и

доказательство того, что вчерашние крепостные не желали защищать Отечество, мечтая лишь о «земле и воле» для себя. На самом же деле лишь инсарское восстание носило более-менее антикрепостнический характер, но и оно было приправлено гремучей смесью патриотизма и наивного монархизма. По свидетельству очевидца этих событий, офицера ополчения И.Т. Шишкина, восстание было спровоцировано слухами о том, что присягнувших ополченцев после войны не вернут хозяевам-помещикам, а объявят свободными. Ратники начали требовать, чтобы их немедленно привели к присяге^{xxvii}, а когда это требование не было выполнено, взбунтовались и захватили город. Помимо приведения к присяге, ополченцы требовали выдать им на расправу командира полка Кушнера и двух ротных офицеров, заявляя, что «за неумеренную их строгость хотят с ними расплатиться по-своему»^{xxviii}. Офицеры отказались выдать своих товарищей, однако восставшие сами разыскали Кушнера, избили его и некоторых других офицеров, попавших к ним в руки^{xxix}, затем захватили оставшихся офицеров и посадили их в тюрьму, собираясь затем повесить. Восстание не было хорошо организовано, и прекратилось само собой. Когда генерал Кишенский, начальник Пензенского ополчения, поспешивший с артиллерией и отрядами башкир и казаков на усмирение бунта, отправил своих офицеров разведать обстановку, оказалось, что «в Инсаре все ратники находятся по квартирам, и что там все тихо так, как будто никогда ничего не происходило»^{xxx}. Расследование, учиненное Кишенским, показало, что после расправы с офицерами восставшие намеревались «отправиться целым ополчением к действующей армии, явиться прямо на поле сражения, напасть на неприятеля и разбить его, потом с повинной головой предстать пред лицо монарха и в награду за свою службу выпросить себе прощение и вечную свободу из владения помещиков»^{xxxi}. Два других восстания в Чембаре и Саранске произошли по гораздо более прозаической причине, а именно из-за воровства начальства. По словам Ф.Ф. Вигеля, «двое из начальствовавших над ними полковников, люди через меру расчетливые, нашли, что о прокормлении ратников много заботиться нечего и что, при всеобщем усердии жителей, они без пищи их не оставят, а между тем исправно принимали и клали себе в карман суммы, из нашего комитета отпускаемые, для продовольствия воинов»^{xxxii}. Результат такой «экономии» был закономерным. «Пока средства не истощались у жителей, ни они, ни ратники роптать не смели. Но когда голод привел их в отчаяние, последние возмутились, из своей среды выбрали себе начальников, а офицеров перевязали и, вероятно, сделали бы то же с полковниками, если бы сии последние заблаговременно не успели спастись бегством. <...> Ни бесчинства, ни грабежа не было, воины требовали одной пищи и, понаевшись, сделались спокойнее и смирнее»^{xxxiii}. Усмирение этих двух восстаний было проведено относительно малой кровью: в Чембаре было убито 5 человек, ранения получили 23, и еще четверо были засечены до смерти^{xxxiv} (это действительно немного, если учесть, что в Инсаре только засечены до смерти были 34 человека^{xxxv}), в Саранске же и вовсе обошлось без жертв - «виновных не нашлось, полковники с глазу на глаз названы мошенниками, а рядовым перед фронтом объявлено, что их хорошо будут кормить; но если впредь что-нибудь подобное они затеют, то десятый из них будет расстрелян..»^{xxxvi}. Следовательно, ни в инсарском восстании, ни в бунтах в Чембаре и Саранске об отсутствии патриотизма у ополченцев говорить не приходится.

Таким образом, за редкими исключениями, российское общественное сознание (в первую очередь в провинции, где дистанция между дворянами и простонародьем была меньше, чем в столицах) на время войны стало практически единым, и разница между, условно говоря, «дворянской» и «крестьянской» половинами

провинциального общества на время оказалась забыта, сметенная волной всеобщего патриотизма. Это редкостное единодушие разных сословий в том, что касалось борьбы с захватчиками, с удивлением и восхищением отмечали современники. По словам Ф.Ф. Вигеля, «казалось, что с дворянами и купцами слились они (крестьяне. - М. З.) в одно тело»^{xxxvii}. «Самый простой народ делался гораздо смелее в поступи и речах, за то в действиях никогда не показывал такого повиновения. Право, глядя на все это, сердце не нарадовалось. Это всегда спасало Россию и отличало от других государств...»^{xxxviii}.

С огромным воодушевлением отнеслись крестьяне в 1812 г. и к рекрутским и ополченским наборам, которые и до, и после войны воспринимались народом как трагедия. Ф.Ф. Вигель вспоминал, что «при наборе ратников. радость была написана на лице тех, на коих пал жребий; семейства их, жены, матери осыпали их ласками, целовали, миловали, дарили чем могли. "Голубчик, ведь ты идешь за нас да за Божье дело", - повторяли они»^{xxxix}.

Патриотический настрой среди простолюдинов отмечали и другие современники. По свидетельству Ф.Н. Глинки, крестьяне с первых дней войны стремились принять активное участие в борьбе с врагом: «Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании. "Повели, государь! Все до одного идем!" Дух пробуждается, души готовы. Народ просит воли, чтоб не потерять вольности»^{xl}. Однако такой поворот событий пугал царское правительство не меньше (если не больше), чем французское нашествие. Будущий декабрист объяснял это следующей причиной: «Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, дозволяющей собираться, вооружаться и действовать, где, как и кому можно»^{xli}. И тут же приводит vox populi: «Дозволят - и мы, поселяне, готовы в подкрепу воинам. Знаем места, можем вредить, засядем в лесах, будем держаться - и удерживать; станем сражаться - и отражать!...»^{xlii}

Слово с делом у русского крестьянина не расходилось: «Тысячи поселян, укрываясь в леса и превратив серп и косу в оборонительные оружия, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются!.. Сегодня крестьяне Гжатского уезда, деревень князя Голицына, вытесненные из одних засек, переходили в другие, соседние леса через то селение, где была главная квартира. Тут перевязывали многих раненых. Один 14-летний мальчик, имевший насквозь простреленную ногу, шел пешком и не жаловался. Перевязку вытерпел он с большим мужеством. Две молодые крестьянские девки ранены были в руки. Одна бросилась на помощь к деду своему, другая убила древесным суком француза, поранившего ее мать. Многие имели простреленные шапки, полы и лапти. Вот почтенные поселяне войны!»^{xliii} Показательно, что крестьяне в разговоре с военными ругали не своего барина, а поляка - управляющего имением, который «отобрал у них всякое оружие при приближении французов»^{xliv}, видимо, из опасений, что оно будет обращено и против него. Однако даже если бы это и случилось, причиной тому стала бы не классовая ненависть, а неприязнь русских к полякам, усилившаяся благодаря зверствам польских союзников Наполеона.

Следовательно, на основе мемуарных источников можно сделать вывод, что патриотизм был основной чертой провинциального общественного сознания в 1812 г. Ни среди дворянства (как бы офранцузено оно ни было), ни среди крестьян не наблюдалось пораженческих настроений; ни те, ни другие не связывали дальнейшее развитие российского общества с французской оккупацией. Напротив, победа над *общим* врагом должна была принести крестьянам, как они считали, освобождение от крепостной зависимости, поэтому, не отставая от «своих» помещиков, они шли в ополчение или начинали партизанскую войну. На такой же

результат войны надеялась и прогрессивная часть дворянства. Таким образом, патриотический подъем 1812 г. охватил все слои русского общества, а исключения лишь подтверждают эту общую тенденцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ⁱ *Алексеев В.П.* Народная война // Отечественная война и русское общество. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1912. Т. 4. С. 229.
- ⁱⁱ Там же. С. 230.
- ⁱⁱⁱ *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М.: Мысль, 1988. С. 33.
- ^{iv} Там же. С. 211.
- ^v *Вигель Ф.Ф.* Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2. С. 648.
- ^{vi} *Загоскин М.Н.* Рославлев, или Русские в 1812 году // Соч.: В 2 т. Т. 1: Ист. проза. М.: Худож. лит. 1987. С. 386.
- ^{vii} *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Кн. 2. С. 651.
- ^{viii} Там же. С. 660-661.
- ^{ix} Там же. С. 653-654.
- ^x *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М.: Воениздат, 1987. С. 7.
- ^{xi} *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию: 1812 г. // Соч.: В 12 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 7. С. 637.
- ^{xii} *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Кн. 2. С. 662.
- ^{xiii} А.И. Герцен отзывался о нем так: «Человек злоречивый, самолюбивый, обидчивый, колкий и умный». Цит. по: А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 488.
- ^{xiv} *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Кн. 2. С. 654.
- ^{xv} Там же.
- ^{xvi} Там же.
- ^{xvii} Там же. С. 655.
- ^{xviii} Там же. С. 666.
- ^{xix} Там же. С. 660.
- ^{xx} Там же.
- ^{xxi} *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 217.
- ^{xxii} Там же.
- ^{xxiii} *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 620.
- ^{xxiv} Там же. С. 619-620.
- ^{xxv} Цит. по: *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 621.
- ^{xxvi} *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 218.
- ^{xxvii} *Шишкин И.Т.* Бунт ополчения в 1812 году // Заря. 1869. №8. С. 115.
- ^{xxviii} Там же. С. 119.
- ^{xxix} Там же. С. 121-122.
- ^{xxx} Там же. С. 147.
- ^{xxxi} Там же. С. 150.
- ^{xxxii} *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Кн. 2. С. 690.
- ^{xxxiii} Там же.
- ^{xxxiv} *Тарле Е.В.* Указ. соч. Кн. 2. С. 627-628.
- ^{xxxv} Там же. С. 627.
- ^{xxxvi} *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Кн. 2. С. 690-691.
- ^{xxxvii} Там же. С. 652.
- ^{xxxviii} Там же. С. 653-654.
- ^{xxxix} Там же. С. 652.
- ^{xl} *Глинка Ф.Н.* Указ. соч. С. 8.
- ^{xli} Там же.
- ^{xlii} Там же. С. 8-9.
- ^{xliiii} Там же. С. 13-14.
- ^{xliv} Там же. С. 14.